

Т. Ю. Борисова

ПУБЛИКА, ГЛАСНОСТЬ И ГРАНИЦЫ «ДОЗВОЛЕННОГО» НАКАНУНЕ ОТКРЫТИЯ РОССИЙСКИХ РЕФОРМИРОВАННЫХ СУДОВ В 1866 Г.*

doi: 10.30759/1728-9718-2025-2(87)-35-44

УДК 94(47)“1866” ББК 63.3(2)52

Статья посвящена проблеме влияния на реализацию Судебной реформы 1864 г. представлений о должном уровне публичности судебной системы. В центре внимания — ранее не исследованные архивные материалы Министерства юстиции, наглядно показывающие, что реформаторы видели большую угрозу независимой судебной власти в необразованной публике. Анализируются архивные документы о подготовке правил поведения в суде и материалы по вопросу о печати судебных решений и их комментировании в прессе. Эти документы сопоставляются с публичной позицией Министерства юстиции, выраженной в его журнале. Делается вывод о том, что вопреки риторике о необходимости сотрудничества правительства и общества в официальной печати, анализ архивных источников показывает: накануне открытия новых судов реформаторы стремились максимально зарегулировать поведение публики в суде, сделав «посторонних лиц» молчаливыми зрителями происходившего. Такому же строгому ограничению Министерство юстиции пыталось подвергнуть освещение деятельности новой судебной власти в печати. Представления о недостаточном развитии публичной сферы оборачивались ужесточением контроля за интерпретацией судебных решений. Попытки контролировать публичную сферу ставили под сомнение политику взаимного доверия правительства и общества. Более того, под вопросом оказывалась справедливость новой судебной власти, откровенно возвышавшей себя над «неразвитой» публикой. Статья вносит вклад в актуальные историографические дискуссии о роли модернистского дискурса отсталости для развития публичной сферы в России.

Ключевые слова: *публичная сфера, судебная реформа, общественное мнение, Российская империя, правосудие, цензура*

В последнее время стал возрастать интерес к разностороннему изучению «периферийных» установок в регионах, не относящихся к вообразимому центру развития.¹ В России, так же, как и в других государствах Восточной Европы, Северной Евразии и Латинской Америки, таким центром выступал условный «Запад». Исторические исследования устойчивых нарративов периферийности позволяют рассматривать их как стратегию, как некоторого рода выбор или игру, в которой есть своя внутренняя прагматика.² В современной историографии

публичной сферы в России вызывает большой интерес осмысление проблемы образцов развития³ и воображения центра — периферии.⁴ Исследование этой проблематики подразумевает критический анализ историографии и источников, как минимум с двух точек зрения.

С одной стороны, требуется деконструировать нарратив «дефицита» («недостатка», «отсутствия») «необходимых» проявлений общественного мнения в российской истории и «отставания» публичной сферы от образцов условного центра. Важно отметить, что, как уже было показано, европоцентричный нарратив отчетливо фиксируется не только в оценках исследователей, но и зачастую является некритическим продолжением интерпретации событий самими историческими акторами.⁵ С другой стороны, представляется продуктивным направление исследований публичной сферы, предложенное Т. М. Атнашевым, Т. В. Вайзер и М. Б. Велижевым

¹ См., напр.: научная конференция *Moving beyond the center-periphery dynamic: Central and Eastern Europe from the mid-19th century to the present*, прошедшая в университетах Оттавы и Лилля весной 2024 г. URL: <https://calenda.org/1147100?lang=en>

² См.: Gerasimov I., Glebov S., Mogilner M. *The Postimperial Meets the Postcolonial: Russian Historical Experience and the Postcolonial Moment* // *Ab Imperio*. 2013. № 2. P. 97–135.

Борисова Татьяна Юрьевна — к.и.н., с.н.с., доцент, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)
E-mail: tyuborisova@gmail.com

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00520 «За пределами “колониальности” и национализма: пространства интеграции в Российской империи (XIX — начало XX в.)» (рук. А. Т. Урушадзе)

³ См., напр.: Акельев Е. Режимы публичности и верховная власть в Московском царстве и Российской империи // *Cahiers du monde russe*. 2021. Vol. 62, № 4. P. 785–814.

⁴ См.: Lounsbury A. *Life is Elsewhere: Symbolic Geography in the Russian Provinces, 1800–1917*. New York, 2019.

⁵ Мы писали об этом ранее: Borisova T., Burbank J. *Russia's Legal Trajectories* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2018. Vol. 19, № 3. P. 469–508.

в программной статье, предваряющей коллективную монографию 2021 г. «Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России».⁶ Выходя за рамки периферийной перспективы, они дают периодизацию внутренней динамики развития российской публичной сферы, концентрируясь на периодах ее открытости и закрытости. Предложенная ими долгосрочная перспектива отчетливо демонстрирует необходимость углубленного лонгитюдного исследования сопряжения публичного и общественного в России.⁷

Важно отметить, что в свидетельствах источников о сопряжении публичного и общественного отчетливо присутствует противопоставление развития и отсталости, ключевое для дискурса современности. В нем очевидным образом прочитывается нарратив центра/периферии. Не являясь статичными, взаимосвязанные понятия развития/отсталости и центра/периферии должны рассматриваться в контексте непрерывающейся политической борьбы, как подчеркивала билифельдская школа истории понятий. Кто решает, где центр, что отстало, а что нет, и что будет правильным развитием? — все эти политические вопросы являлись своеобразными пружинами развития публичной сферы в России. Дискуссии о них наиболее бурно протекали в режиме гласности, когда государство допускало максимальные послабления для свободы слова и печати.

В этой связи заслуживает внимания парадоксальный вывод, который можно сделать, основываясь на обобщающем исследовании публичного слова в России XVIII–XX вв. британского историка С. Ловелла.⁸ Внимательный анализ материалов его монографии со всей очевидностью указывает на интереснейший парадокс, который доказывает невозможность некритичного применения теоретической модели публичной сферы Хабермаса в российском случае.⁹ Этот парадокс заключается в том, что развитие разных форм публичных дискуссий в России со второй половины XVIII в. сопровождалось нарастающим обличением этих дискуссий в печати. Благо неподцензурного высказывания в режиме

свободной дискуссии многими расценивалось как опасность, защиту от которой должно обеспечить государство. Складывается впечатление, что публицисты и журналисты много сделали для дискредитации публичных собраний и обсуждений как бессмысленной «говорильни». Устоявшиеся традиции развитой письменной и печатной культуры как будто противопоставлялись «недостаточно развитому» жанру публичных обсуждений.

В данной статье мы попытаемся на примере Судебной реформы 1864 г. рассмотреть, почему реформаторы остерегались гласного судопроизводства в открытых для всех желающих судах. Помимо этого нас будет интересовать министерская дискуссия о формировании общественного мнения о судебных процессах в новых судах с участием присяжных поверенных и присяжных заседателей. Этот неизученный аспект истории Великих реформ является интересным ракурсом для исторического анализа развития публичной сферы в России и ее сопряжения с общественным движением позднего персидского периода. Внимание к перечисленным исследовательским вопросам необходимо еще и потому, что анализ министерской переписки усложняет сложившуюся в историографии картину противостояния правительственных «либералов» и «охранителей» начала 1860-х гг. В частности, именно так схематично представляли конфликт передовых правовых начал Министерства юстиции (в лице Д. Н. Замятина) и охранительной политики Министерства внутренних дел (в лице П. А. Валуева).¹⁰ Исследование обсуждения в правительственных кругах степени готовности публики к судебной реформе позволяет усложнить устоявшуюся в историографии судебной реформы прогрессистскую интерпретацию повестки реформаторов.¹¹

¹⁰ См.: Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати 1860–1870 гг. Л., 1978. С. 78–95. Исследования М. Д. Долбилова и И. Христофорова продемонстрировали необходимость критического изучения мифологизации реформаторской деятельности в 1850-е — начале 1860-х гг. в сфере отмены крепостного права. В частности, Долбилов убедительно показал, как создавалось противостояние «проводников прогресса» и ретроградов-крепостников в источниках личного характера и не только. См.: Долбилов М. Д. Полезная недоверность: о критике мемуарных сочинений творцов крестьянской эмансипации // «Цепь непрерывного предания...»: сборник памяти А. Г. Тартаковского. М., 2004. С. 266–294; Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция великим реформам: конец 1850 — середина 1870-х гг. М., 2002.

¹¹ Этот тезис косвенно присутствует в распространенном утверждении историографии о борьбе с начала 1860-х гг. неравных сил «юристов-либералов» и «самодержавных бюрократов». См.: Троицкий Н. А. Корифеи российской адвокатуры. М., 2006, Энгельштейн Л. «Комбинированная» неразвитость: дисциплина и право в царской и советской России //

⁶ Атнашев Т. М., Велижев М. Б., Вайзер Т. В. Двести лет опыта: от буржуазной публичной сферы к российским режимам публичности // Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России. М., 2021. С. 5–81.

⁷ См. также: Гросул В. Я. Общественное мнение в России XIX века. М., 2013.

⁸ См.: Lovell S. How Russia Learned to Talk: A History of Public Speaking in the Stenographic Age, 1860–1930. Oxford, 2020.

⁹ См.: Атнашев Т. М., Велижев М. Б., Вайзер Т. В. Указ. соч.

В более широком смысле анализ принятия решений о регулировании публичных процедур нового судопроизводства проливает свет на то, как современники оценивали степень развития публики и прессы в 1860-е гг.

Публика как «посторонние лица»

Из-за того что подготовка судебной реформы заняла долгое время и была очень подробно документирована в многочисленных опубликованных и неопубликованных источниках, некоторые ее аспекты еще не получили должного внимания историков.¹² К таким аспектам можно отнести взаимосвязанные темы публичности судебных заседаний и обсуждения судебных решений в печати. Присутствие публики на судебных процессах вызывало беспокойство реформаторов, поскольку поведение разнословной публики в театре или церкви не всегда было спокойным.¹³ Во избежание возможных эксцессов, в реформированных судах требовалось ограничить поведение публики строгими правилами установленного порядка.

В скором времени после открытия Санкт-Петербургского окружного суда и судебной палаты председатель Г. Н. Мотовилов поставил вопрос о необходимости в скорейшем времени утвердить и обнародовать правила поведения публики. 8 апреля 1866 г. он обратился в Министерство юстиции с письмом и проектом правил, который был подготовлен в Петербургском окружном суде.¹⁴ Г. Н. Мотовилов просил министра утвердить правила поведения в суде для размещения их в приемной суда и непосредственно в залах заседаний. Мотовилов подчеркивал, что важно упредить «нарекания в самовольных распоряжениях» представителей судебной власти, поэтому правила поведения публики должны быть утверждены Министерством юстиции заранее. Тем самым

председатель суда стремился избежать возможного конфликта с публикой.¹⁵ Эти правила были разработаны на основе ключевых положений судебной реформы — напротив каждого пункта правил указывались соответствующие статьи Судебных уставов и Учреждения судебных установлений.

Представленные правила косвенно позволяют судить о страхах, связанных с открытостью для всех реформированного суда. Публике отводилась роль пассивного зрителя, который не должен был вмешиваться в ход процесса и был обозначен как «посторонние лица» — в эту категорию включались все пришедшие на процесс. Первый пункт правил гласил: «посторонние лица допускаются в том числе, которое соответствует количеству приготовленных для них мест». Число таких мест служители суда должны были каждый раз обозначать в надписи и выставлять при входе в зал заседаний. На практике это приводило к тому, что в случае большого интереса к процессу председатель суда мог заранее распределять билеты на процесс, о чем откровенно сообщал А. Ф. Кони в своих воспоминаниях о деле Засулич.¹⁶ Не попавшая на процесс публика ожидала решений суда на улице, что могло привести к стихийным акциям, как это и произошло после оправдательного вердикта в деле той же Засулич. Действительно, судебные процессы, как указывали современники, стали модным развлечением, привлекая большое количество зрителей.¹⁷

Второй пункт требовал от допущенной в зал суда публики строго соблюдать «правила благопристойности, порядок и тишину, беспрекословно повинаясь в этом отношении распоряжениям Председателя». Отдельно оговаривалось, что запрещались любые проявления оценки происходящего — разговоры, шум и тем более смех. Как будто предвидя, что по своей популярности судебные процессы станут затмевать театральные представления, правила подчеркивали, что в суде запрещено то, что позволялось в театре. Отдельный пункт оговаривал запрет выражать одобрение или неодобрение происходящего. Это особенно касалось самовольных движений. В отличие от театра, самовольно вставать и садиться в суде запрещалось.

Новое литературное обозрение. 2001. № 49. С. 31–49; Bernstein L. *Sonia's Daughters: Prostitutes and Their Regulation in Imperial Russia*. Berkeley, 1995.

¹² Об основных этапах подготовки судебной реформы см.: Коротких М. Г. Судебная реформа 1864 года в России (сущность и социально-правовой механизм формирования). Воронеж, 1994; Немытина М. В. Суд в России: вторая половина XIX — начало XX в. Саратов, 1999. Обсуждение отдельных аспектов реформы в печати, см.: Попова А. Д. «Правда и милость да царствуют в судах» (из истории реализации Судебной реформы 1864 г.). Рязань, 2005; Галкин А. Г. Судебная реформа 1864 года в России в контексте общественно-политической жизни пореформенной России (1864–1904 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011; Мойсинович А. М. Судебная реформа 1864 г. в оценках современников и исследователей второй половины XIX — начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.

¹³ См.: Денисенко С. В. Театр // Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря. СПб., 2011. Т. 2. С. 301–309.

¹⁴ Здесь и далее: РГИА. Ф. 1405. Оп. 64. Д. 5900. Л. 1–2.

¹⁵ Мотовилов уточнял, что проект правил был разработан коллегиально на совещании председателя с заместителями и прокурором.

¹⁶ См.: Кони А. Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. М.; Л., 1933. С. 94, 95.

¹⁷ См.: Там же; Андреевский С. А. Книга о смерти. М., 2005. С. 68.

Напротив, публика должна была отмечать вставанием ключевые моменты судебного заседания: когда судьи входили в зал; когда кого-либо приводили к присяге; когда объявлялось решение присяжных заседателей и/или приговор суда.

В правилах отдельно оговаривалось, что представителям публики запрещалось обращаться к свидетелям или присяжным заседателям. При этом не говорилось о запрете обращения к председателю суда или другим чиновникам. Возможно, то, что зрителям было недопустимо обращаться к представителям судебной власти, было вполне очевидно. Отдельное указание на запрет обращаться к присяжным (или свидетелям) подчеркивало новизну ситуации: хоть они и представляли собой публику, но находились при исполнении служебных обязанностей, и потому только другие участники процесса могли вступать с ними в коммуникацию согласно процессуальным правилам. «Посторонние лица» должны были безмолвно наблюдать за происходящим. Если председатель объявлял, что заседание должно продолжаться в закрытом формате, то после объявления его решения «все посторонние лица должны немедленно удалиться». Процессуальные правила защищали при этом права ключевых участников заседания — подсудимый и потерпевший могли попросить оставить в зале своих родственников или знакомых с каждой стороны, но не более трех персон.

Отдельные пункты правил описывали разные меры, которые по решению председателя суда должны были применяться к нарушителям порядка, если на них не действовали внушение и приказание удалиться. Нарушители могли быть задержаны на сутки. При невозможности восстановить тишину председатель мог прекратить публичное заседание, если необходимо, то при содействии полиции. В крайних случаях председатель имел право вызвать ближайшую военную команду. Перечисленные меры описывались как необходимые гарантии «ограждения свободы и безопасности суда».

Помимо этого, предполагались другие наказания для нарушителей дисциплины. Те, кто неприличными словами или действиями выражал неуважение к суду, в зависимости от степени нарушения подлежали продолжительному аресту, заключению в тюрьму или смиренный дом, ссылке на поселение с лишением прав. Отдельно предусматривались наказания за оскорбление словом или действием служи-

телей судебных установлений «во время исполнения ими должности». За это нарушителю грозил штраф до 100 рублей или арест до трех месяцев. Все эти меры наказания были перечислены в правилах, которые должны были быть напечатаны крупным шрифтом и выставлены в приемной суда и в зале заседаний. Интересно, что ничего не говорилось о том, что председатель или кто-то другой из судебных служителей должен был зачитывать правила, на случай если среди публики были неграмотные. Такая публика была обычным явлением в театре, где во второй половине XIX в. кухарки и извозчики могли быть зрителями галерки.

Из Министерства юстиции проект правил был передан в Сенат, где его дополнили еще несколькими дисциплинирующими пунктами. Сенатская правка опиралась на имевшийся опыт. С осени 1865 г. заседания кассационных департаментов Правительствующего Сената были открыты для посещения публики.¹⁸ В правилах появилось несколько пунктов, обозначавших полномочия судебного пристава: он становился вторым лицом после председателя суда по обеспечению порядка и так же, как председатель, писался в правилах с заглавной буквы. Правила оговаривали, что судебный пристав начинал пускать публику в залу заседаний за полчаса до заседания. Когда места, предназначенные для «посторонних лиц» на скамьях, ограниченных от сцены суда решеткой, заканчивались, пристав мог запретить публике входить. В отдельном пункте правил указывалось на ответственность за нанесение оскорбления судебному приставу при исполнении им служебных обязанностей и за сопротивление его законным требованиям и распоряжениям. После сенатской правки правила были утверждены Министром юстиции 12 мая 1866 г. и отправлены в печать.¹⁹ Стенографические отчеты о судебных процессах, публиковавшиеся в официальной газете Министерства юстиции «Судебный вестник», позволяют говорить о том, что председатели судов опирались на эти правила для того, чтобы восстанавливать дисциплину.

¹⁸ После переходного закона от 11 октября 1865 г. публика стала допускаться в судебные учреждения. В частности, для нее были открыты заседания кассационных департаментов Правительствующего Сената. См.: Верещагин А. Н. Кассационный сенат (1866–1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской Империи. М., 2022. С. 123. Нам не удалось обнаружить в РГИА документы о каком-либо обсуждении вопросов поведения публики на открытых заседаниях или следы разработки правил на этот счет.

¹⁹ См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 64. Д. 5900. Л. 15.

Суд печати над гласным судом

Меры порядка в суде были только частью проблемы, волновавшей реформаторов в связи с публичностью судебных заседаний. Гораздо больше опасений вызывала необходимость контроля над тем, как сами процессы и принятые по их итогу судебные решения будут освещаться в печати. Журналисты и представители юридического сообщества еще на стадии обсуждения судебной реформы сходились во мнении, что как народ, так и образованный класс не обладает юридическими познаниями. Этот недостаток воспринимался в том числе и вполне оптимистически — как перспективное направление необходимых и потенциально полезных усилий для внедрения правильных юридических понятий. С этой целью юрист, преподаватель Петербургского университета В. Д. Спасович представил свою докторскую диссертацию в форме учебника. Он особо подчеркивал, что не назвал свой труд теорией, системой или трактатом, потому что писал его как можно «популярнее, вразумительно даже и не для юристов».²⁰

С февраля 1863 г. в субботние дни публика была допущена в библиотеку Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, с ее большой коллекцией изданий по юриспруденции. Журнал «Книжный вестник» подчеркивал интерес публики к этому новшеству: библиотеку посещали до нескольких десятков человек в день.²¹

Общественное внимание, которое было направлено на эти инициативы в печати, явно указывает на ценность юридического экспертного знания, отчетливо обозначившуюся в период Великих реформ. Действительно, реформаторы хотели обсуждать насущные потребности жизни и планируемые преобразования на основе экспертных суждений, а не досужих домыслов профанов.

Такой прагматический подход нашел отражение в новых цензурных правилах от 12 мая 1862 г. В них очерчивались рамки дозволенных критических суждений об отечественных государственных учреждениях и законах. Цензоры должны были позволять только ученые суждения, притом обязательно основанные на анализе существовавшего опыта: «При рассмотрении сочинений и статей о несовершенстве существу-

ющих у нас постановлений дозволять к печати только специальные ученые рассуждения, написанные тоном приличным предмету, и притом касающиеся таких постановлений, недостатки которых обнаружались уже на опыте».²²

До этого судебные решения и следственные материалы могли печататься с разрешения цензоров еще до того, как окончательное решение по делу было принято. «Журнал Министерства юстиции» (далее — «ЖМЮ») в специальном подробном разборе этого вопроса, опубликованном в 1863 г. на итоговом этапе разработки Судебных уставов, считал существовавшую практику таких публикаций недопустимой. По мнению официального журнала министерства, ввиду необразованности судей публикация интерпретации того или иного дела заинтересованной стороной могла привести к несправедливому и незаконному решению.²³ «ЖМЮ» подчеркивал, что представленные в виде «правильных, согласных с законом и обстоятельствами дела силлогизмов», ложные умозаключения позволяли судье подписать ложное решение «со спокойной совестью».²⁴

Министерство юстиции в «ЖМЮ» указывало, что вред от преждевременных публикаций связан не только с недостатком юридической образованности, в том числе и среди судей. Отдельно подчеркивалась беспрекословная вера печатному слову. Хотя об этом и не говорилось прямо на страницах «ЖМЮ», но можно предположить, что безоговорочное доверие к печатному слову было напрямую связано с цензурой, которая как будто оберегала читателей от вредных и ложных публикаций.

Наверное, с подачи Министерства юстиции в уже упоминавшиеся правила от 12 мая 1862 г. были включены специальные наставления для цензурной проверки материалов, касающихся правосудия. Цензоры должны были запрещать критику решений высших судебных инстанций. Важно отметить, что при этом разрешалось комментировать, в том числе и критически, решения низших инстанций, которые могли быть пересмотрены высшими. Информацию о состоявшихся судебных решениях дозволялось печатать только из материалов, опубликованных в «Сенатских ведомостях» или в официальных изданиях, например министерских журналах, таких как «ЖМЮ».

²⁰ Журнал Министерства юстиции. 1864. Т. 19. С. 207.

²¹ См.: Книжный вестник. 1864. № 5. С. 104.

²² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. (ПСЗРИ-2). СПб., 1865. Т. 37, отд. 1. № 38270.

²³ См.: П. М. Публикование судебных решений // Журнал Министерства юстиции. 1863. Т. 16. С. 349–366.

²⁴ Там же.

В своем журнале Министерство юстиции информировало публику о том, что при обсуждении проекта «Основных положений преобразования судебной части» Государственный совет единогласно постановил, что всем дозволяется печатать и обсуждать «состоявшиеся публично» судебные решения. При этом должны были соблюдаться два условия — «должное к суду уважение» и обязательная подпись таких заметок настоящим именем.²⁵ Тогда их автор мог быть привлечен к ответственности за возможное оскорбление.

Это мнение противоречило охранительной позиции Министерства юстиции и в окончательной редакции «Основных положений судебной реформы» было пересмотрено. В итоговой версии публикация окончательных судебных решений разрешалась везде, но их обсуждение было возможно только в юридических журналах. Надо сказать, что таких изданий в начале 1860-х гг. было всего два — «ЖМЮ» и «Юридический вестник». На их недостаток указывали комментаторы судебной реформы в печати.²⁶ В ответ на критику Министерство юстиции поясняло, что это число будет расти, и «серьезные» печатные органы получают возможность открыть «юридические отделы».²⁷

Анализ сохранившейся в РГИА переписки Министерства юстиции и Министерства внутренних дел начала 1860-х гг. показывает, что оба министра с большим недоверием относились к способностям российской печати комментировать судебные решения. При этом позиция министра юстиции Д. Н. Замятнина была даже более резкой, чем П. А. Валуева, позицию которого обычно считают «охранительной».²⁸ Переписку инициировал Д. Н. Замятнин 20 ноября 1865 г., предлагая двум министерствам договориться о согласованной позиции, чтобы не допустить «неправильных отзывов о степени справедливости решений и соблюдения в них правил закона». Открыв суд для публики и допустив участие присяжных, правительство стремилось контролировать, что и как будет говориться о происходящем в суде.

В апреле 1866 г., накануне первых заседаний реформированных судов, Законодательное отделение Министерства юстиции составило развернутое обоснование максимально осторожной политики относительно освещения в печати деятельности гласных судов. Этот документ был направлен в Министерство внутренних дел, в ведении которого, как известно, находилась цензура. Министерство юстиции исходило из необходимости пресечь обсуждение деятельности судебной власти, если оно не соответствовало критериям «серьезности и добросовестности».²⁹ От Министерства внутренних дел ожидалось сотрудничество в том, чтобы пресечь скандальные интерпретации судебной хроники в форме любимых публикой фельетонов.

Для этого требовалось «воспрепятствовать тому, чтобы отделы, в которых должны помещаться эти разборы, не сделались фельетонами юридических скандалов». Архитекторы судебной реформы в Министерстве юстиции стремились разъяснить, почему они настаивали на необходимости существенно ограничить печатное обсуждение реформированного правосудия. Их доводы сводились к тому, что судьи и публика нуждаются в защите от возможного давления и заблуждений. Судья мог стать мишенью публичного осуждения «журнальных партий», что могло повлиять на его решения и навредить правосудию. Публика, не имея специальных знаний, могла быть введена в заблуждение «относительно действительного смысла судебного решения и приведенных в нем законов».³⁰ Поэтому было совершенно недопустимо, чтобы разрешение печатать отчеты о судебных заседаниях и комментарии к ним давалось всем печатным органам.

В представлении чиновников Министерства юстиции, печать нужно было дисциплинировать в том же ключе, как это предполагали правила поведения для публики в суде. В вопросе об обсуждении судебных решений пресса должна была быть по большей части безмолвной — так же, как и «посторонние лица» на судебных заседаниях. Право говорить должно было принадлежать только специалистам, чтобы предупредить вероятные провокации и скандалы. Тем самым предполагалось защитить новые судебные учреждения от возможной дискредитации. Министерство юстиции настаивало на том, что в условиях реформы меняется и значение судопроизводства. Оно делает зримым для

²⁵ П. М. Публикование судебных решений. С. 354.

²⁶ См.: Библиотека для чтения. 1862. № 8; Народное богатство. 1863. № 4.

²⁷ П. М. Публикование судебных решений... С. 349–366.

²⁸ Чернуха В. Г. Указ. соч.; Lincoln W. B. The Problem of Glasnost' in Mid-Nineteenth Century Russian Politics // European Studies Review. 1981. Vol. 11, iss. 2. P. 171–188; Ruud Ch. A. Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804–1906. Toronto, 2009.

²⁹ Здесь и далее: РГИА. Ф. 1405. Оп. 64. Д. 5870. Л. 4.

³⁰ Там же. Л. 4–5.

всех «действительный смысл» законов. В своем пространном заключении, подготовленном для МВД, Министерство юстиции формулировало новое понимание судебных решений как законов: «Уважение к закону лежит в основании общественного порядка, а так как судебные решения суть специальные законы, то обсуждение их может быть допущено лишь с серьезной научной целью, в пределах, обеспечивающих сохранение должного к ним уважения (курсив наш. — Т. Б.)».³¹

Это суждение можно назвать радикальной интерпретацией, существенно возвышающей значение судебной власти. До этого, являясь составной частью широких прерогатив администрации, судебная власть рассматривалась только как реализация законного порядка и не претендовала на самостоятельный статус, сопоставимый со статусом законодательной власти. Теперь же Министерство юстиции пыталось отстоять новое значение правосудия в системе государственной власти и обеспечить определенные гарантии высокого статуса реформированного судопроизводства.

Как мы видим в приведенной цитате, свои притязания на самостоятельную власть Министерство юстиции подчеркивало связью с юридической наукой. Только в целях научного обсуждения оно было готово допустить дискуссии о судебных решениях в специальной профессиональной печати. Опора на юриспруденцию тоже была важным стратегическим новшеством. В дореформенный период юридическая наука и судебная практика были разведены, что непосредственно отражалось на подготовке юридических кадров. Так, приглашенный дать отзыв на проект судебной реформы профессор А. П. Чебышев-Дмитриев, декан юридического факультета Петербургского университета, указывал на свое незнание отечественной юридической практики, свойственное и другим профессорам-юристам.³²

Однако Министерство внутренних дел не спешило признавать приоритет профессиональной власти Министерства юстиции в вопросе о регулировании освещения деятельности новых судов в печати. Из переписки министров становится понятно, что МВД не считало нужным вести согласованную с Министерством юстиции поли-

тику. В письме от 10 сентября 1866 г. министр внутренних дел ставил перед фактом своего коллегу, министра юстиции, что МВД разрешило двум «серьезным» изданиям открыть отделы юридической хроники.³³ Министр П. А. Валуев, очевидно, понимая, что Д. Н. Замятина заденет то, что вопрос был решен без предварительных консультаций с Минюстом, писал, что был уверен в этих печатных органах — «Русские ведомости» и «Вести». В ответ, не скрывая своего раздражения, Замятин писал: «...не могу не заявить, что напечатанная в Вести от 5 сентября № 69 передовая статья так же как и все последующие статьи касательно решений Санкт-Петербургского Окружного суда по делу Жуковского и Пыпина, несомненно обнаруживают несоответственность редакции означенной газеты тем условиям, которые давали бы надежду на употребление с пользой для дела права иметь в издании особый отдел Юридической хроники».³⁴

Министерство юстиции отказывало почти всем изданиям, обращавшимся за разрешением открыть у себя отдел юридической хроники. В отказе издателю популярной столичной газеты «Голос» А. А. Краевскому указывалось, что тот не представил «никакой гарантии в том, что он обладает знаниями, необходимыми для разборов судебных решений».³⁵

У чиновников министерства были основания предполагать, что многие издания действительно видели в предстоящем гласном судопроизводстве возможность быстро обогатиться за счет большого интереса публики. Так, например, один их энтузиастов стенографии в столице, А. Н. Артоболевский, намереваясь издавать газету «Гласный суд», печатал рекламные объявления в других изданиях о том, что с октября в своей газете будет публиковать материалы о деятельности судов. Тем самым его газета предполагала «осветить дела каждого — в лице публичного, ничем не подкупного судьи — общества».³⁶

Эта реклама публиковалась еще до того, как Артоболевский предпринял попытку получить разрешение на комментирование судебных решений в своей новой газете. Вердикты нового суда и их общественное обсуждение подавались как соблазнительный товар, на который Артоболевский объявлял подписку. В ней он

³¹ Там же. Л. 5.

³² См.: Набоков В. Д. Работы по составлению Судебных уставов // Судебная реформа. М., 1915. Т. 1. См. об отзывах на «Основные положения»: Журнал министерства юстиции. 1863. Т. 15. С. 236.

³³ См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 64. Д. 6107. Л. 2.

³⁴ Там же. Л. 40б.

³⁵ Там же. Л. 50б.

³⁶ Голос. 1866. 24 авг.

обещал, что судебный отдел станет главным в газете и своим «популярным» изложением процессов научит, что «все становятся равными перед законом».³⁷ Кроме того, судебный отдел будет способствовать подготовке защитников и тем самым будет иметь «практическое» значение. Артоболевский привлекал будущих читателей и тем, что в газете будет публиковаться самоучитель стенографии. Свои рекламные объявления он продолжал печатать в газетах даже после того, как Министерство юстиции отказало ему в разрешении освещать судебную деятельность в «стенографической газете „Гласный суд“».³⁸ Вообще министерство одобрило единственную заявку — прошение Московского юридического общества об издании «Юридической газеты», в которой предполагалось комментировать судебные решения.

Архивные материалы показывают, что не только возможные неправильные суждения о судебных решениях беспокоили главу судебной власти. Министр юстиции предвидел трудности, связанные с ошибочной передачей в печати происходящего в суде. Поэтому в письме министру внутренних дел он просил цензурное ведомство, чтобы то вменило редакциям всех изданий в обязанность указывать, что судебные отчеты с заседаний записываются частными стенографистами.³⁹ Министерство юстиции готовило издание своей официальной газеты «Судебный вестник», «отчеты которой, редактируемые под надзором правительства, должны одни пользоваться полной достоверностью».⁴⁰

Подводя итоги, отметим, что вопреки представлениям о главенстве либерального вектора в процессе разработки Великих реформ и Судебной реформы особенно, реформаторы критически оценивали риски общественного участия в новых институтах власти. Особую нервность вызывали печать и потеря контроля над интерпретацией преобразований. Недостаток юридической образованности и опыта общественных обсуждений приводил к тому, что архитекторы независимой и гласной судебной власти опасались той среды, в которой новые суды должны были действовать.

Открыв залы судебных заседаний для всех желающих и допустив участие присяжных, правительство стремилось контролировать происходившее в суде и то, что об этом писала прес-

са. Архивные материалы показывают, что не только неправильная интерпретация судебных решений беспокоила главу судебной власти. Министр юстиции опасался того, что репортажи из судебной залы будут давать ошибочную перспективу, закладывая неверные представления о сути независимой судебной власти. Поэтому он пытался договориться с МВД, чтобы цензурное ведомство вменило в обязанность периодическим изданиям указывать, что публикуемые ими судебные отчеты предоставлены «частными стенографистами».⁴¹ Тем самым читателей предупреждали, что возможны искажения информации. Только официальные издания, «редактируемые под надзором правительства, должны одни пользоваться полной достоверностью».⁴² Действительно, в отсутствие возможности вести самостоятельно раздел судебной хроники стенограммы судебных заседаний из официальной газеты министерства юстиции «Судебный вестник» перепечатывались в других изданиях.

Противопоставление частных и официальных источников информации опиралось на презумпцию необразованной и потому «неразвитой» публики и на небеспочвенные опасения, что ее вниманием могут завладеть нечистоплотные люди, движимые корыстными интересами. Новая и передовая судебная власть видела угрозу возможной дискредитации в том, что смысл происходящего в судах будет искажен предпринимателями печатного слова. Эти опасения не были беспочвенны в условиях отсутствия юридических знаний у большинства читателей и недостаточного развития юридической экспертизы вообще. Исходя из этого, Министерство юстиции придерживалось жесткой позиции по поводу интерпретации судебных решений в печати. Таким образом, нарратив «недостаточного развития» играл важную роль в том, каким вызовом для российского общества стал новый гласный суд. Поведение публики в суде было зарегулировано с целью не допустить «театрализации» судебных процессов, а освещение реформированного правосудия в печати подвергалось тщательному контролю.

В итоге введение гласного состязательно-го суда хотя и значительно ускорило развитие публичной сферы, но, с другой стороны, обострило проблему ответственности за публичное выступление — устное и печатное. Применяя

³⁷ Голос. 1866. 24 авг.

³⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 64. Д. 5870. Л. 10б.

³⁹ См.: Там же. Л. 8.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

к этому аспекту судебной реформы категории анализа «центр/периферия», можно прийти к выводу, что зал судебных заседаний, в котором творилось правосудие, в Министерстве юстиции пытались представить как периферию. Там происходило в некотором смысле черновое исполнение судебной процедуры, которое получало свое действительное значение только в официальных публикациях правительственных орга-

нов. Боязнь искажения реализации властных функций реформированного суда основывалась на презумпции недостаточного развития публики, тогда как центром развития признавались правительственные инстанции. Таким образом, гласность, как новый режим публичного выражения общественного мнения, была не только большим шагом вперед для российской публичной сферы, но и серьезным вызовом для нее.

Tatiana Yu. Borisova

Candidate of Historical Sciences, European University at St. Petersburg; National Research University "Higher School of Economics" (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: tyuborisova@gmail.com

THE PUBLIC, GLASNOST' AND THE LIMITS OF THE "PERMISSIBLE" ON THE EVE OF THE OPENING OF THE RUSSIAN REFORMED COURTS IN 1866

The article discusses the impact of the perceptions of the public on the implementation of the 1864 Judicial Reform. The focus is on previously unexamined archival materials from the Ministry of Justice that demonstrate that the reformers viewed an uneducated and underdeveloped public as a significant threat to the independence of the judiciary. The article relies on archival records on the development of court etiquette guidelines and materials on publishing court decisions and media coverage of these decisions. These records are compared to the public position expressed by the Ministry of Justice in its journal. The author demonstrates that contrary to the rhetoric of collaboration between government and society as presented in official media, the analysis of archival sources reveals that before the opening of the new courts, the reformers sought to control public behavior in court to the greatest extent possible, turning "outsiders" into passive observers of events. The Ministry of Justice attempted to impose strict restrictions on press coverage of the new judicial system. The perception that there was a lack of development in the public sphere led to policies of restrictions, tight control, and avoidance of misinterpretations. These attempts to control the public sphere and guide the actions of new institutions in the "correct" direction raised questions about the policy of trust between the government and society. Additionally, the fairness of the new court system, which openly positioned itself above the "underdeveloped" public, was questioned. The article contributes to ongoing historiographical debates about the role of modernist discourses of backwardness in the development of the public sphere and the significance of public discourse in Russia.

Keywords: *public sphere, judicial reform, public opinion, Russian Empire, justice, censorship*

REFERENCES

- Akelyev E. [Regimes of Publicity and the Supreme Authority in the Tsardom of Moscow and the Russian Empire]. *Cahiers du Monde Russe*, 2021, vol. 62, no. 4, pp. 785–814. (in Russ.).
- Atnashev T., Velizhev M., Weiser T. [Two Centuries of Experience: From the Bourgeois Public Sphere to Russian Regimes of Publicity]. *Nesovershennaya publichnaya sfera. Istoriya rezhimov publichnosti v Rossii* [An Imperfect Public Sphere. History of Publicity Regimes in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, pp. 5–81. (in Russ.).
- Bernstein L. *Sonia's Daughters: Prostitutes and Their Regulation in Imperial Russia*. Berkeley: University of California Press, 1995. (in English).
- Borisova T., Burbank J. Russia's Legal Trajectories. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2018, vol. 19, no. 3, pp. 469–508. (in English).
- Chernukha V. G. *Pravitel'stvennaya politika v otnoshenii pechati 1860–1870 gg.* [Government Policy on the Press in the 1860s–1870s]. Leningrad: Nauka Publ., 1978. (in Russ.).
- Denisenko S. V. [Theatre]. *Byt pushkinskogo Peterburga: Opyt entsiklopedicheskogo slovarya. T. 2.* [The Everyday Life of Pushkin's Petersburg: Experience of an Encyclopedic Dictionary. Vol. 2]. Saint Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha Publ., 2011, pp. 301–309. (in Russ.).

Dolbilov M. D. [Useful Unreliability: On the Criticism of the Memoirs of the Creators of Peasant Emancipation]. *“Tsep’ nepreryvnogo predaniya...”*: *sbornik statey pamyati A. G. Tartakovskogo* [“The Chain of Continuous Legend...”: A Collection in Memory of A. G. Tartakovsky.] Moscow: Izd-vo RGGU Publ., 2004, pp. 266–294. (in Russ.).

Engelstein L. [“Combined” Underdevelopment: Discipline and the Law in Imperial and Soviet Russia]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Observer], 2001, no. 49, pp. 31–49. (in Russ.).

Galkin A. G. *Sudebnaya reforma 1864 goda v Rossii v kontekste obshchestvenno-politicheskoy zhizni poreformennoy Rossii (1864–1904 gg.)*: *dokt. dis.* [The 1864 Judicial Reform in Russia in the Context of Socio-Political Life of Post-Reform Russia (1864–1904): Diss. Doct.]. Moscow, 2011. (in Russ.).

Gerasimov I., Glebov S., Mogilner M. The Postimperial Meets the Postcolonial: Russian Historical Experience and the Postcolonial Moment. *Ab Imperio*, 2013, no. 2, pp. 97–135. (in English).

Grosul V. Ya. *Obshchestvennoye mneniye v Rossii XIX veka* [Public Opinion in 19th Century Russia]. Moscow: AIRO-XXI Publ., 2013. (in Russ.).

Khristoforov I. A. *“Aristokraticheskaya” oppozitsiya velikim reformam: konets 1850 — seredina 1870-kh gg.* [“Aristocratic” Opposition to the Great Reforms: The End of the 1850s — the Middle of the 1870s]. Moscow: Russoke slovo Publ., 2002. (in Russ.).

Korotkikh M. G. *Sudebnaya reforma 1864 goda v Rossii (sushchnost’ i sotsial’no-pravovoy mekhanizm formirovaniya)* [The 1864 Judicial Reform in Russia (Essence and Socio-Legal Mechanism of Formation)]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta Publ., 1994. (in Russ.).

Lincoln W. B. The Problem of Glasnost’ in Mid-Nineteenth Century Russian Politics. *European Studies Review*, 1981, vol. 11, no. 2, pp. 171–188. (in English).

Lounsbury A. *Life is Elsewhere: Symbolic Geography in the Russian Provinces, 1800–1917*. New York: Cornell University Press, 2019. (in English).

Lovell S. *How Russia Learned to Talk: A History of Public Speaking in the Stenographic Age, 1860–1930*. Oxford: Oxford University Press, 2020. (in English).

Moisinovich A. M. *Sudebnaya reforma 1864 g. v otsenkakh sovremennikov i issledovateley vtoroy poloviny XIX — nachala XX vv.: kand. dis.* [The 1864 Judicial Reform in the Assessments of Contemporaries and Researchers of the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries: Diss. Cand.]. Moscow, 2006. (in Russ.).

Nemytina M. V. *Sud v Rossii: vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.* [The Court in Russia: The Second Half of the 19th — Early 20th Century]. Saratov: Izd-vo SGAP Publ., 1999. (in Russ.).

Popova A. D. *“Pravda i milost’ da tsarstvuyut v sudakh” (iz istorii realizatsii Sudebnoy reformy 1864 g.)* [“Let Truth and Mercy Reign in the Courts” (On the History of Realization of the 1864 Judicial Reform)]. Ryazan: Poverennyy Publ., 2005. (in Russ.).

Ruud Ch. A. *Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804–1906*. Toronto: University of Toronto Press, 2009. (in English).

Troitsky N. A. *Korifei rossiyskoy advokatury* [The Corypheans of the Russian Bar]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2006. (in Russ.).

Vereshchagin A. N. *Kassatsionnyy Senat (1866–1917). Ocherki ustroystva i deyatelnosti verkhovnogo suda Rossiyskoy Imperii* [Cassation Senate (1866–1917). Essays on the Structure and Activities of the Supreme Court of the Russian Empire]. Moscow: Izdatel’skaya gruppa Zakon Publ., 2022. (in Russ.).

Для цитирования: Борисова Т. Ю. Публика, гласность и границы «дозволенного» накануне открытия российских реформированных судов в 1866 г. // Уральский исторический вестник. 2025. № 2 (87). С. 35–44. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-2(87)-35-44.

For citation: Borisova T. Yu. The Public, Glasnost’ and the Limits of the “Permissible” on the Eve of the Opening of the Russian Reformed Courts in 1866 // Ural Historical Journal, 2025, no. 2 (87), pp. 35–44. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-2(87)-35-44.